

Мама, у меня СПИД

Это случилось 23 июля, 1988 г. в палате номер 414 на четвертом этаже в больнице Сенчури Сити в Калифорнии. Мой муж, Боб, и я примчались туда из Вашингтона, так как температура нашего сына достигла 41.1 °C. Было вполне вероятно, что он может умереть.

Потом последовало признание нашего сына, изменившее нашу жизнь навсегда. «Мама и папа», – говорил Скотт, – «У меня СПИД. Мои доктора сказали, что я смогу прожить от 9 до 24 месяцев».

Я была шокирована. Но, такое же сильное потрясение я пережила, когда Скотт признался, что он - гей. И так как год назад я узнала, что он ВИЧ - позитивный, то прочла всю возможную информацию, какая попадалась под руки о ВИЧ/СПИДе. Хотя мой разум знал достаточно много об этом заболевании, все же, я не была готова принять этот удар так быстро.

В моем сердце, однако, случилось кое-что еще – чего я не могла понять на моем человеческом уровне. Вместо отчаяния, пришло спокойствие. С того момента, когда мои эмоции были парализованы от шока, СПИД не мог победить меня на духовном уровне. Тоже произошло с Бобом и Скоттом. В результате, СПИД уже никогда так сильно не влиял на нас.

Услышав смертельный диагноз той ночью, мое восприятие гомосексуальности Скотта изменилось. Когда Скотт впервые сказал нам, что он - гей, для нас это было очень тяжелое время. Наша надежда и молитва были о том, чтобы наш сын оставил гомосексуальный образ жизни позади.

На протяжении многих лет Скотт страдал от своей гомосексуальности, прося Бога, чтобы Он забрал эти чувства от него. Он был молодым чувствительным христианином, который открыто свидетельствовал о своей вере. Он знал, что думает церковь о гомосексуализме, поэтому, никогда никому не рассказывал о причине своих страданий. Враждебные высказывания об «этих извращенных голубых» еще больше заставляли его закрыться в самом себе.

Когда руководство церкви узнало о чувствах Скотта, к нему начали относиться очень жестко, не предпринимая попыток помочь ему разобраться с этим. Друзья с церкви приходили к нам. Они переживали невероятную скорбь и шок от того, что со Скоттом поступили так бесчувственно. Наш сын, должно быть, чувствовал себя разбитым из-за такого жизненного опыта. И хотя эти события поколебали его, это не поколебало его веру. Он оставался верным

христианином на протяжении многих лет, с раннего детства, во время учебы в колледже и библейской школе. Сила Бога в жизни Его ребенка была очевидной.

Но все же, во мне оставалась какая-то горечь из-за того, что когда нам была необходима помощь нашей церковной семьи больше всего, в этих отношениях пошли трещины из-за решения церковного руководства. Когда я поделилась своими чувствами со Скоттом, он сказал: «Мама, я не сержусь на них. Мне их просто жаль, так как это была ситуация, в которой они должны были проявить себя настоящими христианами. Но я их простил и продолжаю жить дальше». В этой короткой беседе Скотт показал мне, как нужно прощать. Если он простил тех, кто причинил ему такую боль, то, конечно же, я должна поступить так же.

Как только мы узнали о том, что у Скотта СПИД, все остальные переживания о его сексуальности отошли на второй план. Все это мы отдали Богу. В тот момент я получила новую свободу. Я стала свободной для любви, оставив осуждение Богу. Я осознала, что скоро его с нами не будет, а значит, каждый момент невероятно дорог.

Скотт выздоровел от острой инфекции всего лишь на короткий период и через несколько недель заболел снова. В то время со Скоттом работали девять специалистов, и они все еще не могли понять, почему у него была такая высокая температура - 41 °C. Это были одни из самых тяжелых недель в моей жизни. Когда температура Скотта падала на пол - градуса, это приносило нам луч надежды. Потом температура снова повышалась, и мы опять сталкивались с неминуемым кризисом. В течение многих дней он был в тяжелом состоянии.

Я сидела в кресле в углу палаты и смотрела на лежащего Скотта. Я думала, что вероятно он уже умирает. Жизнь изменилась навсегда. Жестокая реальность так сильно ранила меня, что я вскричала от боли: «Бог, это слишком тяжело для меня! Я не могу перенести этого. Я не могу смотреть, как умирает мой сын».

И вдруг, сидя в слезах, я почувствовала в себе Божье утешение, как будто Святой Дух произнес внутри меня стихи из Библии, которые я когда-то читала Скотту и его сестрам много лет назад: «Я знаю, что это слишком тяжело для тебя, Миньон, но сила моя совершается в немощи твоей (2-Кор. 12:9)». Потом я услышала что-то еще, как будто Бог лично сказал мне об этом: «Миньон, там много людей, которым нужно

знать о Моей любви. Я хочу, чтобы ты пошла к ним и показала Мою любовь».

В своем сердце я понимала, что люди, о которых Он сказал мне, были все те пациенты, лежащие в 15 палатах, и никто из них не имел семьи, которая бы поддержала их. После того, как я в молитве попросила у Бога мудрости, я встала и пошла в палату, в которой лежал Скотт во время своего первого пребывания в больнице. Джерри, пациент из этой палаты, был очень болен. После того, как мы немного пообщались, я сказала: «Джерри, я вижу, что это очень одинокое место и что СПИД – это очень одинокая болезнь. Ты когда-нибудь чувствовал себя одиноким?»

«Иногда», – ответил он. «А иногда мне кажется, что меня никто не любит».

«Что ж», – сказала я, – «Я просто хотела рассказать тебе, что Бог любит тебя и что ты дорог для Него». Потом я поделилась с ним опытом как тяжело для меня быть матерью, и единственным способом преодолеть эту трудность было осознание того, что Бог заботится обо мне, и что Он внимательно наблюдает за мной и Скоттом.

«Как вы можете точно знать об этом?», – спросил Джерри.

Я рассказала ему свою историю, как я росла в христианской семье, как я ходила в воскресную школу, когда еще была ребенком, и о том, как я поверила в Господа всем своим сердцем.

«Я тоже хочу поверить в это», – ответил он. «В детстве я также посещал воскресную школу. Мои родители отправили меня туда. Но потом я перестал ходить в церковь».

После этого наше общение проходило само собой, совсем не принужденно, чему я была удивлена, так как никогда не училась это делать. Но настоящий прорыв в этом общении, я думаю, произошел тогда, когда я спросила Джерри, что я могла бы для него сделать, чтобы этот день был для него лучше. «Да», – он ответил. «Вы бы не могли растереть мою спину?»

«Хорошо», – сказала я, не будучи полностью уверенной как это сделать. Но я налила лосьон себе на руки, и начала растирать ему спину, и это было лучшее растирание, которое я когда-либо делала. Когда я уже собралась уходить, он захотел, чтобы я осталась с ним дольше.

Я вернулась в палату Скотта, будучи уверенной, что даже невозможное с Божьей помощью стало для меня возможным. К тому моменту, когда мы покинули больницу Сенчури Сити, я посетила каждого пациента на этаже. И все, с кем я проводила время, включая

персонал, начали называть меня «мамой». Я знала, как в свое время несправедливо, точнее безжалостно, поступили со Скоттом, и просто хотела показать тем людям, что любовь Бога еще существует в этом мире для них.

Мне хотелось вернуть время назад, чтобы помочь Скотту – ведь сейчас я знаю намного больше о помощи умирающим людям. Были моменты, когда он часами мысленно куда-то удалялся и становился очень спокойным. «Мама, – спрашивал он, – почему я делал эти вещи?»

Я не помню, сколько раз он спрашивал меня об этом, или сколько раз я отвечала ему: «Я не знаю, Скотт». Его погруженность в себя, в свое прошлое разбивала мое сердце, но не только из-за вины, которую он чувствовал. Я также с негодованием вспоминаю прошлое, которое крало у нас наше время, мгновение за мгновением, день за днем. Если бы у меня была возможность вернуть это время, я бы постаралась помочь ему поговорить об этом. Я бы помогла ему записаться в группу поддержки. Но сейчас мы были в палате; мы делали все возможное, что могли сделать.

Также, я бы позволила ему видеть мои слезы чаще. Я чувствовала, что должна быть сильной и прятала свои слезы от него. Дома он ходил по комнате, как изнеможенный старик, а я, будучи не в состоянии смотреть на это, поднималась по лестнице и плакала. Но я никогда не спускалась вниз, пока не высохнут слезы; я не хотела, чтобы он чувствовал себя виновным в том, что огорчает нас. Возможно, мне нужно было сказать: «Да, нам грустно, Скотту грустно за нас и грустно за себя. В любом случае, Скотт, мы прощаем тебя, так как мы любим тебя, и ничто, что ты делал в прошлом, или что ты мог бы сделать, не может изменить этого».

В то время, как болезнь Скотта прогрессировала, его грусть о том, что он умрет молодым переросла в страх к самой смерти. Примерно за шесть недель до того как он умер, он исповедался мне: «Мама, мне страшно». Когда мы начали говорить об этом, мы поняли, что задаваемые Скоттом вопросы, больше касались не физической или интеллектуальной сферы, но эмоциональной и духовной. Он нуждался – все мы нуждались – в духовной поддержке.

Именно в тот день вышедший на пенсию судья Высшего Суда Говард Патрик впервые посетил Скотта. Эта встреча была организована усилиями больничного персонала. Судья Патрик приходил к Скотту, чтобы почитать и помолиться с ним в последние дни его жизни. Это успокаивало Скотта, и часто он засыпал, слушая наставление или молитву этого прекрасного человека, который позже присоединился к Скотту на небесах. К тому времени, когда Скотту нужно было умереть, он был готов и больше не боялся.

Конец пришел 19 сентября, 1989 г. в пол - первого ночи. Я была с ним одна в его больничной палате, его отец и сестры были в соседних палатах. И хотя он не мог ответить, я тихо проговорила ему: «Скотт, если ты чувствуешь себя в чем-то виноватым перед отцом, мной или Иисусом Христом, просто знай, что ты прощен. Прими это прощение и уходи».

Скотт умер через 20 минут. Совсем неожиданно, когда я стояла возле него, он сделал вздох, потом замер. После этого он вздохнул еще раз с каким-то хрипом в горле и оставил нас навсегда.

«Мой дорогой, дорогой сын», – шептала я ему, – «Я буду скучать по тебе так сильно, как никогда прежде. Ты научил меня, как нужно смеяться и как находить юмор в этой жизни. Ты научил меня, как быть храброй и сильной, как провозглашать победу пред лицом поражения. Ты научил меня, как переживать боль и страдания. Твой отец и я будем жить дальше, и Бог будет нашей опорой».

Перед тем как гомосексуализм и СПИД вошли в наш дом через Скотта, я считала нашу семью «победителями», сравнивая нас с теми, кто вел менее праведный образ жизни, таким образом, показывая, что они «неудачники». Теперь, я знаю, что мы всего лишь странствующие пилигримы, пытающиеся понять, кто мы есть на самом деле, для чего мы живем, кто такой Бог, и как Он сегодня работает в нашем мире.

Когда Скотт еще был жив в особенно тяжелый для меня день, я чувствовала себя обозленной и покинутой. Я ходила по дому, поднимая свой взор вверх в небеса, рыдая и молясь: «Иисус, как-нибудь помоги нам. Просто помоги моей семье».

Во время молитвы, ко мне постепенно приходило спокойствие. Я уверена, что сам Иисус утешал мое сердце. Я не слышала голоса, не видела яркого света, не было звона колоколов. Но в моем сердце я ощутила что-то новое, что-то, чего я не знала прежде: Бог контролировал мою жизнь, и Он был моей опорой.

Дополнительная информация:

Миньон и ее муж, Боб, являются директорами организации «Support for the Journey» («Помощь на Этом Пути») (PO Box 1794, Oak Harbor, WA 98277), служение для ВИЧ позитивных или больных СПИДом. Статья адаптирована из «When AIDS Comes Home ©» («Когда СПИД входит в ваш дом») 1996 г., Миньон Зылстра & Дэвид Бибель. Использовано с разрешения издательства Thomas Nelson, PO Box 141000, Nashville, TN 37214.